

СМЕРТЬ ЮРОДИВОЙ

У нас на приходе недавно отпели приходскую юродивую. Я до сих пор в этом отпевании – не могу отойти (поэтому простите за отрывочность повествования). Не ожидал этого всего. Ну умерла и умерла – мало ли прихожан умирает? И вдруг – на удивление – полный храм народа, собор священников, хор (а ведь никто толком и не объявил об ее смерти и отпевании). Невеста Христова: гроб обложен цветами. Сколько усилий она приложила, чтобы убелить рубаху, в которой ныне идет ко Христу! Лицо – как восковое – умерла 10 дней назад и ни следа тления (моя четырехлетняя дочка, заставив себя поднять для последнего целования, определила: *Она стала стеклянная*). Относились к ней все по-разному. Но вот случилась смерть – и всех привела «к одному знаменателю». И все теперь объединены здесь в храме. Вместе с ней – в предстоянии Христу.

Удивительное ощущение: мы все вместе в одной капсуле. Тихо горят свечи, на глазах непонятно откуда взявшиеся слезы, дым ладана и запах роз на гробе. Объединила нас любовь к этому странному человеку, который сопутствовал жизни нашего прихода первые пять лет. Молилась, обличала... Гнали – не уходила. Человек, внешне не приятный, и не очень заметный. Но знали ее все! И, невзирая на неприглядность и грубость – тянулись к ней. Кто-то написал мне в сочувственном письме: *Человек, который всегда говорил правду...* И общее ощущение, родившееся при отпевании, дает мне право на эту статью.

Сейчас, спустя какое-то время, я понимаю – что мы потеряли. Какой дар послал нашему молодому, только созидающемуся приходу Господь. В наше-то время... Настоящая, живая юродивая! Как в былые времена! Ходила босиком, жила в метро. Летом – в шубе; зимой – раздетая. Ела – что подадут, подчас отбросы. Наряжалась под современных девушек: мини-юбка, раскрасится вся, найдет туфли на здоровенном каблуке... То с мягкой игрушкой в храм придет (с медведем обычно): кормит ее, к иконам прикладывает... Всего не рассказать. И мне не хочется, чтобы эта первая статья о ней была пересказом разных чудес и ситуаций – пересказчики найдутся позже. Не в чудесах дело... Мне кажется, что начать с описания этих мелких фактиков – разменять по мелочи главное и основное в ее жизни: любовь и жертву.

Людмила – дочка художника и скульптора Комарова, сама по образованию – художник. Официальный диагноз – шизофрения. Ну как же в наше время без диагноза! С шизофрениками всякому священнику приходится общаться немало. Это «параллельный мир» со своей моралью и мировоззрением. Общаясь с некоторыми, сравнивая их и нас, порой невольно задумываешься: а кто из нас более нормальный?

Я размышлял о том, что может быть, ее поведение неосознанно и вызвано болезнью? Что ее подвиг – невольный. Нужно было ей умереть, чтобы мне понять, как я ошибался. Сейчас я вспоминаю случаи ее потрясающей пронизательности и рассудительности. Если говорить напрямую – прозорливости. Я ловил себя на том, что она чувствовала, читала мысли! О каждой ситуации – отдельный рассказ. Может ли святость сочетаться с шизофренией? Сейчас я уверен, что шизофрения – она была маской для внешних. Внешние часто и не догадывались, что скрывается за этой маской.

Смерть – *приобретение*. Жизненная суета не позволяла нам увидеть и осознать. Меня спрашивали: а это настоящая юродивая? Как к ней относиться? Слушать ее? Я отвечал: не знаю! И действительно – не знал. Недаром она старалась выдать себя за «просто хулиганку». Но после смерти в основном пришло осознание того духовного подвига, который она несла. Осознание ее правоты. Кто сейчас на такое способен? При наличии жилья – отказаться от него. Добровольно отдать себя на голод, холод и поругание? Рафинированная советская интеллигентка – растоптать собственную интеллигентность? В наше комфортное, гедонистское время! Как, должно быть, манила теплая квартира (пять минут хода от храма), теплая еда, мягкая постель...

Какова цена верности Богу? Чем можно пожертвовать, что отдать за Благодать? Как было добыто горькое право (не убежать!) – *обличать налево и направо, тыча пальцем в силуэты тел?* Ради какой неизреченной радости можно было пойти на такой подвиг – уничтожить самое себя?

Появлялась Людмила и в других храмах, но наш избрала «штаб-квартирой». Если ее гнали из храма – обитала на соседнем переходе метро (50 м. от храма). Милостыню не собирала никогда. Но иногда «адресно» подходила к человеку (ко мне, к примеру) и просила денег. Деньги почти сразу отдавала кому-либо (необъясним порой выбор юродивой), или покупала на них что-либо и раздавала. Пробовала она «работать» и вне храма – рядом с соседней «Копейкой». Стояла, обличала... Вернулась с фингалом в пол-лица. Так что бить ее – били. Как положено для юродивых.

Тем, кто пытался сделать из нее старицу или пророчицу – от нее доставалось больше всего. В этом и смысл юродства: скрыть свои божественные дары за безумием и асоциальностью. А любила она больше всего тех, кто ее гнал (это, наверное, и есть тест на «законность» или профанацию подвига). Меня любила – я частенько ее выставлял за двери храма по поводу и без повода. Звала «батюшечкой», пыталась меня «подкармливать»: то пачку печенья принесет, то конфету. За каждым таким подарком что-то стояло (расшифровать было непросто, подчас невозможно). Я в какой-то период решил «не играть в ее игры», и перестал брать подарочки – но она продолжала их дарить (если не брал – оставляла на солее). Впрочем, об этом надо рассказывать отдельно и не сейчас.

Юродство – это тайна. Многое из сказанного и сделанного Людмилой становится понятно только сейчас. Юродство предельно неблагонадежно, его невозможно заключить в рамки фарисейских приличий. Юродство – это вечный скандал. Невозможно его до конца понять и одновременно расшифровать. И очень непросто (совсем некомфортно) быть рядом с ним. С юродивым не «договориться», как нельзя договориться с совестью. Людмила была способна грубо наброситься, отругать, выгнать (это меня, как настоятеля – возмущало). И настроена чаще всего была неприветливо. Но что скрывалось за этой неприветливостью? Как много плодов духовных она родила в душах людей, с ней соприкасавшихся – Бог весть. Но не смотря на грубость – ее любили.

В юродство не играют. Юродства не может быть немного, чуть-чуть. Его нельзя профанировать. Это полная отдача себя – своего не остается ни грамма! Юродивый – это профессионал Христа. Это предельно серьезный подвиг: служение. Это огненное дерзновение – где сейчас такое найдешь? И вечная брань – ни минуты расслабления, отдыха, ни мгновения слабости. Для юродства нужно – призвание. Но момент призвания – всегда тайна. Когда человек слышит зов и говорит: *Вот он я, Господи!* Много званых. Отвечающих – драгие единицы.

Она – ответила. Рожденная художницей, она посвятила свою жизнь высшему творчеству, и полем этого творчества сделала собственную жизнь. Юродство – высшее творчество. Поэтому юродивым нельзя быть неволей.

Публичность? Одно из обычных обвинений юродивым: стремление к публичности, к самопрославлению. Но тут – ничего подобного нет. Самое важное и главное, самые главные слова и действия говорились и делались наедине: сама Людмила и тот человек, к кому она обращалась... Сейчас время воспоминаний. Я послушал людей и удивился: почти у каждого из священников, сотрудников храма и частых прихожан были свои, личные отношения с Людмилой. С каждым она успела «поконтакить»: обличить, утешить, указать, научить...

Публичность? Да, наверное было... Было у Людмилы одно стремление, выражавшее ее сокровенное, внутреннее. Это – жажда публичного поругания, публичного позора. Мне с высоты солеи было это особенно видно. Это не мазохизм. За этим стоит – сила любви ко Христу: страдать со Христом. Она умела находить такой момент на службе, такое действие – чтобы сразу выгнали.

Провокация? Наверное... Чтобы обидели, отругали, побили. Как она смогла это обрести, вместить и понести: жажду страдания?

Юродивый – или пан, или пропал. Высота полета: глаз не видит, солнце слепит. Зато, если упадешь – перышек не останется... Такова мера дерзновения – не то, что мы, копающиеся в тине собственных мелких грехов. Там, наверху – свои соблазны, нам неведомые. Мера дерзновения определяет меру получаемой благодати (*какою мерою мерите – такой и возмерится вам*). Но этой же мерой определяется и мера искушений, степень внутренней брани. Отсюда – предельная строгость к себе.

Она лежит посреди храма – и никто ее теперь не гонит. Смерть все поставила на свои места. С умершей юродивой проще... Она уже не обличит, не накричит, а перед Богом – походатайствует. И все бы хорошо, да слезы застилают глаза. Где же нам теперь юродивую найти? Как без нее? Взгляд на богослужении привычно ищет ее глазами – справа рядом с дверями. Кто, согнувшись, подойдет на исповедь с исписанными каракулями листочками? Где бурчание во время чтения и пения? Теперь – ничего не мешает... А записки какие на поминовения писала: *Лёлека*, каких-то белочек, собачек поминала (дочь анималиста!)? В общем, вместе с ней ушла тайна – тайна верности Христу.

Не удержусь в заключение от одного рассказа. Как-то, отвечая на немой вопрос (скорбная минута была), она мне крикнула: *Ишь, умереть захотел! Да тебя сейчас ни в рай, ни в ад не возьмут!* Правильно, знала – не время еще... Себе она заранее предсказала свою кончину. Значит – время, ее теперь возьмут. Наше дело – молиться, чтобы Бог принял ее подвиг, как благоухание, угодное Себе, простил ее грехи... А ее дело теперь – если будет иметь дерзновение – молиться за нас перед Богом. А имеет ли она дерзновение, я думаю, будет ясно – Бог не утаит...